

Секция «Государственная политика современной России как фактор устойчивого развития»

«Каналы транслирования» политического недоверия в электоральном и контрдемократическом измерениях российской действительности

Минаева З.И.¹, Сычев В.В.²

1 - Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Социально-гуманитарный институт, Самара, Россия, *E-mail: zlatousminaeva@gmail.com*; 2 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет государственного управления, Кафедра политического анализа, Москва, Россия, *E-mail: 2001.vlad@inbox.ru*

Глобальный «кризис доверия»

В 1975 г. Трёхсторонней комиссией был подготовлен доклад «The Crisis of Democracy», в котором развитие демократий описывалось как кризисное ввиду усложнения структуры общества и эрозии традиционных ценностей [15, р. 113]. Тем не менее, «кризисность» функционирования современных демократических систем не ограничивается неэффективной деятельностью публичных институтов - истоки «кризиса демократий» следует искать в принципах построения политических режимов. К тому же, три ключевых «вызова» XXI в. - глобализация, цифровизация и пандемия коронавируса - определяют «экзогенные контуры» кризиса доверия.

Сложности с формированием «культуры доверия» испытывают и страны «транзитного периода», которые в условиях модернизации становятся подвержены «всплеску насилия» [13, с. 59] и «глубокому недоверию граждан к истеблишменту» [3, с. 213]. Так, в современной России по-прежнему остро стоит проблема «обманутого доверия» [4, с. 109-110], усиливающегося социальным расслоением. Обозначенные тенденции актуализируют изучение используемых гражданами каналов для выражения недоверия, которое не позволяет России открыть «окно возможностей» для перемещения на «передовую траекторию развития».

В рамках текущего исследования авторы стремились **проверить гипотезу**, в соответствии с которой *российскими гражданами для выражения недоверия политическим институтам используются преимущественно не «рычаги электорального воздействия», а «контрдемократические механизмы», связанные с гражданскими «полномочиями по надзору» и «предотвращению».*

Сущность доверия и два «демократических измерения»

В отличие от веры, доверие представляет собой «специфическое психическое состояние, в котором соединяются представления индивида о свойствах внешних объектов и уверенность, что эти свойства будут проявляться в будущем» [6, с. 154]. Хотя «презентационность» доверия «техническим системам» [2, с. 67] вынуждала ряд исследователей использовать термин «confidence», в данном исследовании категории «доверия» и «уверенности» будут использоваться в качестве взаимозаменяемых.

Доверие расширяет понимание процедурной легитимности, придавая ей «темпоральное и субстантивное измерения» [16, р. 4-5]. Противоречия между «доверием» и «легитимностью» продолжают учащаться. Компенсация «эрозии доверия» при помощи выработки «сдержек и противовесов» со стороны общества происходит в двух «демократических измерениях»: электоральном и «контрдемократическом». «Социальная контрвласть» освобождена от институциональной ритмичности и связана с исполнением гражданами их неформальных полномочий по «надзору» (постоянному мониторингу за событиями в медиа) и «предотвращению» (проведению митингов, демонстраций, шествий и иных форм социального протеста).

В нашем исследовании основным **критерием** для измерения политического недоверия стала *протестная активность как в электоральной плоскости, так и в контрдемократической*. Из-за глобальной цифровизации в обоих случаях особое внимание было уделено роли интернет-платформ и соцмедиа, используемых различными группами интересов для мобилизации протестной активности населения.

«Электоральное измерение» демократического недоверия

Путём демократического избрания кандидатов гражданин может выразить своё недоверие двумя способами - неучастием в выборах и протестным голосованием.

Доля неявки на выборах в Государственную Думу в 2021 году составила 47,9 [7]. Для большинства россиян абсентеизм не является формой протеста, его источник — отсутствие причин идти на выборы. Многие избиратели объясняют отказ от участия в голосовании неимением доверия к честности электорального процесса и отсутствием достойных кандидатов на выборах [9, с. 40].

Другой способ выражения недоверия к выборам, протестное голосование, проявляется в пяти видах [10, с. 290]. «Против всех» - официальное протестное голосование. Однако соответствующая графа в бюллетени была убрана из избирательного законодательства РФ в 2006 г. Другой способ выражения недоверия — «порча бюллетеней». Он незначителен: в 43 регионах недействительными признано 0,0004% бюллетеней [14]. «Радикальное протестное голосование» - голосование за партии, альтернативные и противостоящие традиционным крупным кандидатам. Этот способ тоже незначителен в контексте выборов-2021 ввиду отсутствия радикальных партий среди избираемых: ФБК признан экстремистской организацией до выборов.

«Тактическое протестное голосование» - голосование за менее предпочтительного кандидата для демонстрации недовольства своей партией. «Организованное протестное голосование» - призыв сторонников партии, не имеющей возможности участвовать в выборах, голосовать протестным образом. К последнему виду относится «Умное голосование» (далее - УГ). Пример выборов в Мосгордуму в 2019 году доказывает: тактического голосования не было. Голосование в 35 округах Москвы имело протестный эффект: показатели «умных» кандидатов росли за счет падения показателей административных [1]. Однако УГ оказало незначительное влияние как на выборы в Мосгордуму в 2019 году, так и на выборы-2021: 65% россиян не знали об этой инициативе, а количество посетителей сайта «Умного голосования» в месяц выборов составило всего 1,5 млн человек [11].

«Контрдемократические механизмы» выражения недоверия

Полномочия по надзору реализуются с помощью интернет-платформ, в частности благодаря новым СМИ. Так, рейтинг самых цитируемых интернет-ресурсов по гиперссылкам в соцмедиа возглавляет признанное иностранным агентом независимое издание «Meduza.io», а рейтинг самых цитируемых телеканалов — признанное иностранным агентом оппозиционное СМИ «Дождь» [12]. Помимо СМИ и соцмедиа, граждане осуществляют полномочия по надзору на отдельных сайтах структур гражданского общества: проекты «Активный гражданин», «Добродел». Несмотря на то, что на начало 2021 г. почти половина (45%) россиян следят за политикой, они не собираются принимать активное участие в политической жизни [5].

«Полномочия по предотвращению» выражаются в организации и участии граждан в митингах. Триггерами мобилизации митингов в 2021 г. стали «символическая несправедливость» (расследование о дворце) и «несправедливые репрессии» (задержание Алексея Навального). Мобилизация актуализировалась за счет цифровых платформ: You-Tube канал Навального, оппозиционные интернет-СМИ, медиапроект «ОВД-Инфо». Однако протесты в защиту Навального не вышли за «партийные» рамки [8]. Вызов Навального не были готовы принять многие недовольные режимом.

Таким образом, несмотря на перемещение оппозиционных настроений из сферы конкурентной борьбы кандидатов в просторы социальных сетей, протестная активность продолжает носить «дисперсивный характер», что говорит не столько о полномасштабном кризисе российской демократии, сколько о кризисе доверия традиционным политическим институтам.

Источники и литература

- 1) Большаков И.В., Перевалов В.В. Оценка эффективности «умного голосования»: спор аналитических подходов // Politics. Международный журнал о выборах. Режим доступа: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/otsenka-effektivnosti-umnogo-golosovaniia-spor-analiticheskikh-podkhodov/> (дата обращения: 01.03.2022)
- 2) Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011.
- 3) Лавриненко А.А. Недоверие к политическим институтам как стимул к развёртыванию тенденций ретрадиционализации // Актуальные проблемы и перспективы инновационного развития современной России. 2014. С. 213-220.
- 4) Оболонский А.В. Гражданское недоверие как предпосылка политического развития // Общественные науки и современность. Гражданское общество и правовое государство. 2012. №5. С. 101-111.
- 5) Политическое участие и отношения с государством в России // признанная иностранным агентом организация «Левада-Центр». Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/03/16/politicheskoe-uchastie-v-otnosheniya-s-gosudarstvom-v-rossii/> (дата обращения: 28.02.2022)
- 6) Пушкарева Г.В. Доверие в публичном пространстве государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. №76. С. 151-175.
- 7) Результаты выборов-2021. Главные цифры // «Коммерсантъ». Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/4996303> (дата обращения: 28.02.2022)
- 8) Рогов К. Дело Навального: предпосылки, стратегии и итоги противостояния // Фонд «Либеральная миссия». Режим доступа: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/delo-navalogo-predposylki-strategii-i-itogi-protivostoyaniya> (дата обращения: 28.02.2022)
- 9) Савенков Р.В., Сотников А.И. Электоральный абсентеизм: протест, поддержка или равнодушие граждан (на примере г. Воронежа) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. №2 (63). С. 36-42.
- 10) Терентьев А.Ю. Протестное голосование как результат социальной напряжённости // Социология. 2019. №6. С. 289-297.
- 11) Умное голосование // признанная иностранным агентом организация «Левада-Центр». Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/10/08/umnoe-golosovanie/> (дата обращения: 28.02.2022)
- 12) Федеральные СМИ: 2021 г. // «Медиалогия». Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/10840/#internet> (дата обращения: 28.02.2022)
- 13) Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- 14) ЦИК назвала итоговую явку и число недействительных бюллетеней // «РБК». Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/614da1689a7947b2400bcb17> (дата обращения: 28.02.2022)

- 15) Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York: New York University Press, 1975. 227 p.
- 16) Rosanvallon P. Counter-democracy. Politics in an age of distrust. Translated by Arthur Goldhammer / Cambridge University Press, UK. 2008. 330 p.